

Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса

11.04.2002 [Шишкин В.И. http://zaimka.ru/shishkin-rebellion/](http://zaimka.ru/shishkin-rebellion/)

Печатный аналог: Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории.: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001 С. 137–175

Гражданская война в России прошла несколько этапов, отличавшихся друг от друга масштабами, составом руководителей и рядовых участников противоборствовавших сил, целями и задачами, формами и методами, накалом и промежуточными результатами борьбы. Одной из отличительных черт заключительной фазы гражданской войны, датируемой концом 1920–1922 г., было резкое возрастание размеров и, соответственно, роли в антикоммунистическом сопротивлении вооруженных мятежей. Самым крупным из них как по численности участников, так и территориально явилось Западно-Сибирское восстание.

Начавшись в конце января 1921 г. в северо-восточном районе Ишимского уезда Тюменской губ., восстание в короткий срок охватило большинство волостей Ишимского, Ялуторовского, Тобольского, Тюменского, Березовского и Сургутского уездов Тюменской губ., Тарского, Тюкалинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов Омской губ., Курганского уезда Челябинской губ., восточные районы Камышловского и Шадринского уездов Екатеринбургской губ. Кроме того, оно затронуло пять северных волостей Туринского уезда Тюменской губ., отозвалось волнениями в Атбасарском и Акмолинском уездах Омской губ. Весной 1921 г. повстанческие отряды оперировали на огромной территории от Обдорска (ныне — Салехард) на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугулым на западе до Сургута на востоке.

Мемуаристы и историки по-разному определяли количество участников Западно-Сибирского мятежа. В литературе можно встретить цифры от 30 до 150 тыс. человек. Но если даже ориентироваться на меньшую из них, то и в этом случае численность западносибирских мятежников превышала количество тамбовских («антоновцы») и кронштадтских повстанцев. Другими словами, можно утверждать, что Западно-Сибирское восстание было самым крупным антиправительственным выступлением за все время коммунистического правления в России.

О силе западносибирских мятежников и опасности, которую они представляли для коммунистического режима в России, можно судить хотя бы по тому, что в феврале 1921 г. повстанцы на три недели парализовали движение по обеим линиям Транссибирской железнодорожной магистрали, а в период наибольшей активности захватывали такие уездные центры, как Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, Березов, Сургут и Каркаралинск, вели бои за Ишим, угрожали Кургану и Ялуторовску.

В свою очередь общее количество бойцов и командиров регулярных частей Красной армии и иррегулярных коммунистических формирований, принявших участие в подавлении Западно-Сибирского мятежа, приближалось к численности полевой советской армии. Боевые действия, которые велись в феврале — апреле

1921 г. на охваченной этим восстанием территории, по масштабам и военно-политическим результатам вполне можно приравнять к крупной армейской операции времен гражданской войны.

К настоящему времени имеется довольно значительный пласт мемуарной и исследовательской литературы — как специальной, так и близкой по тематике, в которой история Западно-Сибирского мятежа нашла свое отражение. Эта литература создавалась в разное время, отличавшееся политико-идеологическими условиями научной деятельности, с различных методологических позиций. Как следствие, в публикациях появилось много не только не совпадающих, но даже и прямо противоположных точек зрения. Все это побуждает к историографической саморефлексии с целью выявления и отделения крупниц истинного знания от всего остального, неизбежно сопутствующего исследовательскому процессу, определения новых перспективных направлений работы, формулировки актуальных задач и оптимальных путей их решения.

К сожалению, уже имеющиеся историографические публикации по данной теме по многим причинам не отвечают этим требованиям [1]. Первые три из них, опубликованные около четверти века тому назад, не охватывают основного корпуса специальной литературы, вышедшей в свет в последнее десятилетие. К тому же они устарели в методологическом отношении, а высказанные в них оценки требуют существенной корректировки. Что же касается историографических публикаций И. В. Скипиной, то они представляют «образец» научной недобросовестности и профессиональной некомпетентности. Настоящая статья призвана восполнить выявленный пробел.

* * *

Несмотря на масштабность и общероссийскую значимость Западно-Сибирского мятежа, советская историография не относила его — в отличие от «махновщины» на Украине, «антоновщины» в Тамбовской губ. или событий в Кронштадте — к числу приоритетных проблем гражданской войны. Напротив, Западно-Сибирское восстание изучалось крайне слабо и фрагментарно. По количеству специальных публикаций оно явно уступало таким типологически тождественным, но не столь масштабным явлениям, какими были украинская «махновщина» или тамбовская «антоновщина». В справедливости этого утверждения легко убедиться, проанализировав, прежде всего, численность и характер мемуарных и исследовательских изданий, посвященных Западно-Сибирскому восстанию.

К началу 1990-х годов их количество составляло всего около двух десятков названий разного жанра и объема (преимущественно тезисов и мелких статей), опубликованных в основном в три этапа: 1920-е — начало 1930-х годов [2], начало 1950-х — середина 1970-х годов [3] и период перестройки [4]. Самыми значительными из них как по объему, так и по количеству рассмотренных проблем, по использованной источниковой базе, по полноте описания конкретных событий были небольшие монографии М. А. Богданова и К. Я. Лагунова [5].

Весьма примечателен также тот факт, что почти за три четверти века о Западно-Сибирском восстании появилась только одна документальная публикация по

частному вопросу [6], несмотря на наличие огромного корпуса хорошо сохранившихся архивных источников.

Правда, Западно-Сибирский мятеж так или иначе попутно освещался в значительном количестве книг и статей, посвященных смежной проблематике и выполненных как в региональных [7], так и в общероссийских территориальных рамках [8]. Однако большинство авторов этих публикаций (кроме В. К. Григорьева, В. И. Шишкина и Ю. А. Щетинова) не работало самостоятельно с ключевыми источниками по теме исследования, а основывало свои суждения преимущественно на публикациях предшественников, дополненных архивными или газетными данными случайного характера, игравшими иллюстративную роль. Последнее обстоятельство предопределило скудность новой эмпирической информации в указанных работах, обилие фактических ошибок и, как следствие, вторичный характер большинства высказанных в них оценок. Это позволяет практически без ущерба для дела исключить названные публикации из предмета историографического анализа. Хотя необходимо отметить, что в трансляции и закреплении сложившихся представлений они сыграли заметную роль.

Структура исследовательской проблематики истории Западно-Сибирского мятежа в советской историографии долгое время оставалась слабо разработанной и дифференцированной. До начала 1990-х годов мемуаристы и историки ограничивались освещением весьма узкого круга вопросов, причем редко какой из них анализировался специально. В большинстве случаев свое понимание той или иной проблемы авторы излагали в общем контексте описания мятежа в целом или его отдельных очагов (например, в Ишимском, Курганском или Петропавловском уездах, на Тобольском севере или в Нарымском крае). Такой подход не способствовал постановке новых научных проблем и, соответственно, разработке концепции изучаемого явления.

Основное внимание мемуаристов и исследователей концентрировалось на освещении социально-политических причин восстания, состава его руководителей и участников, классового характера и политической направленности повстанческого движения, хода боевых действий обеих сторон и непосредственных результатов мятежа. Причем акцент явно делался на освещении военной стороны события, тогда как многие проблемы, раскрывающие социально-политическое и идейное содержание восстания, не рассматривались совсем либо упоминались вскользь. Например, совершенно вне поля зрения историков оставались демографические, моральные, психологические аспекты события, вопросы о взаимоотношениях повстанцев и местного населения, об участии и роли органов ВЧК, революционных и военно-революционных трибуналов в подавлении восстания, о долгосрочных последствиях мятежа. Советские историки никогда не работали на уровне персоналий, без «выхода» на который нельзя рассчитывать ни на полноту воссоздания картины такого события, ни — тем более — на глубину его осмысления. Введенный исследователями в научный оборот фактический материал, составляющий главную ценность любого исторического сочинения, в текстах занимал подчиненное место, явно уступая по объему ритуальным

рассуждениям, почерпнутым со страниц «Краткого курса истории ВКП(б)» и дублировавших его многочисленных пропагандистских изданий.

Несмотря на разногласия по отдельным вопросам, имевшиеся среди мемуаристов и исследователей, к началу 1960-х годов в советской историографии сложилась довольно стройная и непротиворечивая концепция, объяснявшая происхождение, динамику и итоги Западно-Сибирского восстания. В развернутом виде она прозвучала в монографии М. А. Богданова, а в сжатом — в специальной статье, опубликованной в энциклопедии «Гражданская война и интервенция в СССР» [9]. Основные причины Западно-Сибирского мятежа советские мемуаристы и историки видели в слабости местных органов так называемой диктатуры пролетариата, зажиточности сибирского крестьянства и высоком удельном весе в его составе кулачества, организационно-политической деятельности контрреволюционных сил, якобы создавших подпольный Сибирский крестьянский союз, а также в отступлениях от классового принципа и нарушениях революционной законности при проведении продразверстки. Причем решающую роль мемуаристы и исследователи, начиная с секретаря ЦК РКП(б) Е. М. Ярославского и руководителя полномочного представительства ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского, почти всегда отводили идейно-политической и организационной деятельности Сибирского крестьянского союза, называвшегося ими детищем партии эсеров.

Заметим, что, как правило, эти же факторы, за исключением двух последних, указывались советскими историками при объяснении причин возникновения других восстаний, происходивших в Сибири в 1920–1922 гг. Тем самым специфика Западно-Сибирского мятежа 1921 г. выявлялась недостаточно, что противоречило принципу историзма. Конкретный эмпирический материал, на который мемуаристы и исследователи ссылались при доказательстве существования на территории Тюменской губ. и смежных с ней уездов ячеек Сибирского крестьянского союза и ведущей роли в нем партии эсеров, был исключительно узким, имел главным образом чекистское происхождение и абсолютно не подвергался проверке на фактическую достоверность, а воспринимался некритически. Как следствие такого отношения к источникам, в научный оборот были введены недостоверные данные о наличии на территории Тюменской губ. подпольных белогвардейских организаций корнета С. Г. Лобанова в Тюмени и С. Долганева в Тобольске, ликвидированных чекистами в начальный период восстания.

Относительно причин Западно-Сибирского мятежа серьезные разногласия в среде советских мемуаристов и исследователей имелись в трактовке только двух вопросов. Первый из них — роль Сибирского крестьянского союза. Еще в начале 1920-х годов особую позицию по этому поводу сформулировал П. Е. Померанцев. Профессиональный историк и коммунист, работавший в годы гражданской войны сначала сотрудником Реввоенсовета 5-й армии, а затем начальником историко-информационного отделения штаба помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири, Померанцев имел доступ практически ко всей военно-оперативной информации, за исключением части чекистской, и очень хорошо представлял предысторию и ход

мятежа [10]. На основании имевшихся в его распоряжении источников Померанцев пришел к заключению, что Сибирский крестьянский союз не оказал сколько-нибудь существенного воздействия на возникновение Западно-Сибирского восстания, поскольку сам находился в стадии становления. По мнению Померанцева, Союз не являлся массовой крестьянской организацией, так как крестьянство оставалось лишь «объектом его провокации» [11].

Другой вопрос, вызвавший разногласия среди историков, это истоки и природа политического недовольства сибирских крестьян накануне мятежа. Померанцев считал восстания 1920 — начала 1921 г. в Сибири анархическим протестом всего крестьянства против политики военного коммунизма. И. П. Павлуновский видел в Западно-Сибирском мятеже проявление нового — мелкобуржуазного типа контрреволюции, возникшего после разгрома главных вооруженных сил белогвардейцев. М. Я. Беляшов, М. А. Богданов, В. К. Григорьев и Ю. А. Щетинов возникновение недовольства местного крестьянства связывали исключительно с отступлениями от классового принципа и нарушениями революционной законности при проведении продразверстки. Ряд других исследователей указывали причины более глубокого и общего порядка. Например, Ю. А. Поляков и И. Я. Трифонов главным называли кризис политики военного коммунизма, а В. И. Шишкин — еще и недовольство всего крестьянства советской властью как носительницей этой политики.

По вопросу о социальном составе участников Западно-Сибирского мятежа в советской историографии существовал большой разброс мнений: от «чисто крестьянского» (П. Е. Померанцев [12], П. И. Павлуновский) до «чисто белогвардейско-кулацкого» (К. Хейфец, П. Сидоров, И. Т. Белимов), а между ними — различные комбинации из указанных выше социально-политических сил. Столь значительные расхождения в оценках являлись отражением ряда факторов: плохого знания большинством мемуаристов и историков фактической стороны событий, низким уровнем профессиональной подготовки одних, строгой ориентацией на догматические установки, сформулированные в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — других. Показательно, что даже ленинская оценка мелкобуржуазной стихии как главной опасности для диктатуры пролетариата после ликвидации основных белогвардейских фронтов большинством исследователей так и не была воспринята. По сути дела, встав на позиции «Краткого курса истории ВКП(б)», они ленинской точке зрения скрыто оппонировали.

Большинство советских мемуаристов и историков движущей силой Западно-Сибирского мятежа считало местное кулачество и остатки колчаковцев. Что же касается трудящегося крестьянства, то его частичное участие в восстании большинство авторов признавало, но объясняло исключительно привходящими обстоятельствами: принуждением со стороны повстанческого руководства, экономической зависимостью бедноты от кулаков или политической несознательностью бедняков и середняков. Приведем в качестве примера мнение М. А. Богданова, которое было довольно типичным. «Костяк „армии“ мятежников, — утверждал Богданов, — составляло местное кулачество. Командные должности замещались колчаковскими офицерами. В основной же массе она представляла

собой сборище дезертиров и насильно мобилизованных или временно поддавшихся на удочку кулацкой агитации крестьян» [13]. Правда, материал, который мемуаристы и историки использовали для доказательства такой точки зрения, был мизерным по объему, в основном локальным по масштабам и периферийным по месту. Он не убеждал читателя в правильности таких выводов. Советская историография, как правило, квалифицировала Западно-Сибирский мятеж как белогвардейско-кулацкий или эсерово-кулацкий по руководству и характеру, антисоветский — по политической направленности. Все эти утверждения были слабо фундированы фактическими данными. Доказательство белогвардейско(-эсерово)-кулацкой сущности Западно-Сибирского восстания осуществлялось при помощи нехитрого приема, когда анализ конкретных фактов подменялся рассуждениями об объективной роли, которую рядовые мятежники якобы играли в качестве союзников кулаков и белогвардейцев. Наличие у повстанцев лозунга «За советы без коммунистов» в принципе признавалось, однако изначально в объяснении этого явления советские историки послушно следовали в фарватере ленинских оценок. Выдвижение этого лозунга они считали тактическим маневром руководителей мятежа, стремившихся таким образом скрыть истинные реставраторские намерения, и оценивали как «провокационную формулу», а созданные мятежниками советы квалифицировали как «органы прикрытия контрреволюции» [14].

Лишь в статьях В. И. Шишкина по вопросу о социальной природе Западно-Сибирского и ряда других восстаний начала 1921 г. была изложена иная точка зрения. В них утверждалось, что эти мятежи имели «массовый крестьянский характер», а выдвижение повстанцами лозунга «За советы без коммунистов» связывалось с кризисом всей советской политической системы, разразившимся на рубеже 1920–1921 гг. [15] Однако эти положения высказывались Шишкиным в самом общем виде, не были подкреплены фактическим материалом и не нашли развития в последующих работах автора.

В публикациях И. П. Павлуновского, П. Е. Померанцева и М. А. Богданова обсуждались вопросы о политической и военной организации мятежников, о взаимоотношениях в повстанческой среде, о политической и военной организации мятежников. Все названные авторы считали, что повстанцы были организованы в военном отношении, для чего, по мнению Померанцева и Богданова, они прибегли к помощи военных специалистов из числа членов Сибирского крестьянского союза, но не имели единой политической организации. В объяснении последнего обстоятельства взгляды Павлуновского, Померанцева и Богданова разошлись. Павлуновский утверждал, что этому помешали органы ВЧК, которые в конце 1920 — начале 1921 г. разгромили Сибирский крестьянский союз [16]. Померанцев полагал, что это произошло главным образом по причине непринятия повстанцами программы Сибирского крестьянского союза, а Богданов объяснял такую ситуацию успешными операциями органов ВЧК и действиями войск Красной армии, не позволившими мятежникам создать единого руководящего органа власти [17].

Относительно много внимания в сочинениях советских мемуаристов и историков уделялось описанию внешней стороны военных событий. Ими были выявлены главные очаги мятежа и примерно определена численность повстанцев в этих районах, поименно названы некоторые руководители восстания, даны сведения о частях Красной армии, принимавших участие в подавлении мятежа, названы главные военные операции советских войск, приведены потери сторон в ряде боев. В советской литературе последовательно проводилась мысль о том, что мятежники были хорошо организованы и вооружены. В частности, Богданов утверждал, что «весь район мятежа был разбит на 4 фронта», что руководили штабами, командовали фронтами и армиями бывшие царские и колчаковские офицеры, что едва ли не половина рядовых повстанцев имела на вооружении винтовки [18]. В статье М. Я. Беляшова, бывшего в 1921 г. секретарем Макушинского райкома РКП(б), эта картина была дополнена не соответствующей действительности информацией о наличии у некоего полковника Сватоша [19] регулярной радиосвязи с белогвардейским заговорщическим центром в Архангельске, а через него — «с англо-американскими империалистами» [20].

Однако подход к освещению даже вопросов военно-боевого характера в советской историографии отличался тенденциозностью. Действия мятежников изображались в ней исключительно негативно и квалифицировались как политический и уголовный бандитизм, для чего, как правило, использовалась отнюдь не научная лексика. Авторы концентрировали внимание в основном на терроре повстанцев против коммунистов и советских активистов, разграблении ссыльных пунктов и колхозов, разрушении линии железной дороги и средств связи. Что же касается «красной» стороны, то ее действия освещались и интерпретировались исключительно в позитивном ключе. Показывалось героическое поведение коммунистов и красноармейцев в боях, их гуманность по отношению к мирному населению и пленным повстанцам [21].

Столь же односторонне и декларативно изображались в советской литературе отношение мирных жителей к восстанию и взаимоотношения мятежников с местным населением. Например, М. А. Богданов утверждал, что восстание вызвало «глубокое возмущение» большинства трудящегося крестьянства и с самого начала осуждалось им. Более того, Богданов заявлял, что основные массы трудового крестьянства «принимали активное участие в ликвидации кулацко-эсеровского мятежа» [22]. Однако приведенные автором единичные примеры говорили не в пользу, а против его точки зрения.

В работах советских историков много внимания уделялось освещению деятельности коммунистов по организации разгрома мятежа, подчеркивалась важная роль, которую сыграли в ликвидации повстанческого движения меры политического характера, предпринятые коммунистической партией и советской властью. В ряду последних решающее значение безоговорочно отводилось решениям X съезда РКП(б) о замене разверстки продналогом, которое называлось главным средством, способствовавшим нормализации политической ситуации в западносибирской деревне. Причем перелом в настроении той части среднего крестьянства, которая приняла участие в мятеже, датировался уже мартом 1921 г. [23] Однако оба тезиса звучали исключительно декларативно, поскольку

реальные процессы, происходившие на селе летом — осенью 1921 г., мемуаристы и историки практически не освещали, завершая изложение событий освобождением от повстанцев Сургута, Березова и Обдорска.

Советская историография признавала Западно-Сибирский мятеж самым крупным контрреволюционным вооруженным выступлением начала 1920-х годов, имевшим широкую социальную базу в лице мощного сибирского кулачества и остатков колчаковщины. Его главное значение историки видели в опасности, созданной трехнедельным перерывом железнодорожного сообщения между центральной Россией и Зауральем, который, в свою очередь, привел к лишению советской власти возможности получать хлеб из Сибири, являвшейся тогда наряду с Северным Кавказом главным источником продовольствия. На этом основании М. А. Богданов даже утверждал, что Западно-Сибирское восстание представляло для советской власти гораздо большую угрозу, чем «антоновщина», «сапожковщина» или «махновщина» [24]. Правда, этот тезис вызвал возражение со стороны И. Я. Трифонова и не получил поддержки других исследователей.

В то же время в советской литературе совершенно безосновательно акцентировалось внимание на том, что Западно-Сибирский мятеж являлся одним из звеньев в цепи других антикоммунистических вооруженных выступлений, поразивших различные районы советской республики. Богданов даже писал о вероятности использования Западно-Сибирского восстания для «вооруженного вмешательства империалистических держав» в одном случае и о возможности «вмешательства иностранных империалистов с целью грабежа Севера и оказания помощи мятежникам оружием и боеприпасами через Обскую губу» — в другом [25]. Причем в последнем случае Богданов некритически воспроизвел позицию председателя Тюменской губчека П. И. Студитова, подвергнутому в марте 1921 г. резкой критике со стороны центрального военного руководства как абсолютно беспочвенную.

При анализе итогов мятежа советские историки ограничивались указанием на людские и материальные потери сторонников коммунистической власти, на разрушение сельского партийно-советского аппарата, сокращение абсолютной численности и удельного веса кулацко-зажиточных элементов в составе местного крестьянства. Вопрос о людских потерях, которые понесли повстанцы и мирное население, о политике властей по отношению к участникам восстания, о судьбах оставшихся в живых участников мятежа и членов их семей, а также поддерживавшего повстанцев населения в литературе даже не ставился.

Следовательно, можно утверждать, что в советской историографии имелась довольно простая и в значительной мере стандартная социологическая схема, с марксистских классовых позиций объяснявшая происхождение, природу и итоги Западно-Сибирского мятежа. Она базировалась на ограниченном количестве источников, отражавших это событие только с точки зрения коммунистических властей, и хорошо вписывалась в контекст советской историографии гражданской войны в России. Но в ней недоставало главного: правды жизни во всем ее богатстве и противоречивости. И особенно, конечно, недоставало людей с их интересами, поступками, настроениями, сомнениями,

ожиданиями, страхами и надеждами, которые и создают неповторимый колорит любого исторического события.

Объясняя наличие в советской историографии крупных пробелов и тенденциозных интерпретаций многих проблем отечественной истории, современные исследователи, как правило, первоочередную и главную причину такого удручающего положения склонны были видеть в недоступности необходимых источников и лишь затем — в индивидуальной научной квалификации, методологической зашоренности, в наличии внешней и внутренней цензуры.

Видимо, общего правильного ответа на данный вопрос не существует. Скорее наоборот: в каждом конкретном случае он должен быть и будет различным. В данном случае представляет интерес проведенный нами анализ архивных листов использования, заполненных главным советским исследователем Западно-Сибирского мятежа М. А. Богдановым. Этот анализ свидетельствует о том, что историк в конце 1950-х годов имел доступ и был знаком практически со всеми ключевыми документами мятежников, партийно-советских, военных, чекистских и ревтрибунальских органов, хранившимися в бывшем Центральном государственном архиве Советской Армии (ныне — Российский государственный военный архив), в архивах Новосибирска, Омска и Тюмени. Следовательно, первоочередным барьером, который не смог преодолеть Богданов, были интеллектуальные ограничения, поставленные марксистско-ленинской методологией с ее классовым подходом, а вовсе не дефицит источников. В результате доступный исследователю фактический материал, довольно хорошо отражавший богатство жизненных связей, противоречий и коллизий, не был воспринят им во всей его полноте. Богданов его частично просто проигнорировал, частично — загнал в прокрустово ложе классовой схемы.

Что же касается зарубежной литературы, то история Западно-Сибирского мятежа освещалась в ней скупое. Заслуживают внимания, пожалуй, только две работы. Первая из них — это небольшие по объему воспоминания некоего П. Турханского, который во время восстания сидел в тюрьме Тюменской губчека и в качестве источника информации использовал обильно циркулировавшие тогда и после его подавления слухи.

Турханский утверждал, что на вопрос о том, кто был инициатором восстания, ответить трудно, поскольку «крестьяне держались очень осторожно, и ни одна губчека не предвидела, что готовится» [26]. Тем не менее мемуарист склонялся к тому, что мятеж возник стихийно и распространялся стремительно, почти в один день охватив всю бывшую Тобольскую губ. Он полагал, что почти все сельское население восстало добровольно, а возглавляли повстанцев солдаты-фронтовики. «В руководстве восстанием, — по мнению Турханского, — офицеры участия не принимали»²⁷. Однако он упомянул о раскрытии чекистами офицерского заговора в Тюмени, в который оказались вовлечены сотрудники местной губчека. Мемуарист считал, что у восставших не было единого руководящего центра. В статье Турханского конкретно был назван только один орган повстанческой власти, созданный в Тобольске. Но как наименование такового (Временное Северное Сибирское правительство), так и сроки его существования (3–4 месяца) были указаны неверно.

Характеризуя настроения и поведение повстанцев, Турханский ограничился указанием на развязанный ими в деревне антикоммунистический террор [28] и на антиеврейские погромы, на повсеместную замену на контролируемой мятежниками местности волисполкомов советов дореволюционными волостными правлениями. Он отметил переход на сторону мятежников ряда красноармейских частей, в том числе с артиллерийскими орудиями, и обратил внимание на недоверие к перебежчикам со стороны повстанцев, утверждая, что последние убивали всех перешедших к ним красноармейцев, кроме тех, кто имел нательные кресты. Турханский писал, что «красная» сторона развязала против мятежников жестокий террор, расстреливая каждого пятого, включая детей и женщин. Ликвидацию мятежа мемуарист датировал весной 1921 г., объясняя ее тем, что «с наступлением весны крестьян потянуло к земле» [29].

Второй является монография М. С. Френкина, посвященная крестьянским восстаниям в советской России периода гражданской войны [30]. Ее автор не имел доступа к архивам и газетам, находившимся в СССР, а базировался исключительно на опубликованные источники, мемуары, исследования советских и зарубежных историков. Однако даже этот небольшой круг источников и литературы Френкин не смог критически проанализировать, грамотно структурировать и обобщить. В результате его книга оказалась богато насыщена ошибками фактического и концептуального характера.

Назовем только главную из них. По сути дела ключевую роль на всех этапах Западно-Сибирского восстания — от его возникновения до поражения — М. С. Френкин отводил деятельности Сибирского крестьянского союза. Работу этого Союза историк считал решающей причиной возникновения мятежа, утверждая, что особенно широкая сеть ячеек Союза была создана в Тюменской, Алтайской и Омской губ., а также в Курганском уезде Челябинской губ. Исследователь писал, что Сибирский крестьянский союз вносил «определенное организационное начало в крестьянское движение всей этой колоссальной территории», «сыграл крупнейшую организационную роль в проведении Западно-Сибирского восстания» [31]. В «незрелости» и ошибочной тактике Сибирского крестьянского союза Френкин видел одну из главных причин поражения западносибирских повстанцев. Он заявлял, что Союз «запоздал с восстанием, в то время когда (так в тексте. — *В. III.*) предпосылки для него созрели уже в феврале 1920 г., когда сложившаяся политическая обстановка была более благоприятной для восстания и несравненно сложнее для Советского правительства» [32]. Между тем, как хорошо известно даже по чекистским публикациям, в феврале 1920 г. никакого Сибирского крестьянского союза не существовало.

Френкин считал, что, несмотря на военные и организационные успехи западносибирских повстанцев, их поражение было предопределено. Свою позицию исследователь аргументировал сложившейся военно-политической обстановкой и огромным перевесом сил у советской власти. «Они восстали слишком поздно, — писал историк, — когда большевики победоносно завершили гражданскую войну в борьбе с главным противником, располагали огромной армией и сумели разгромить Кронштадтское восстание в марте 1921 г.» [33].

Перестройка и гласность спровоцировали общественный интерес к истории Западно-Сибирского мятежа, облегчили историкам доступ к ранее засекреченным источникам по теме исследования, позволили высказываться без оглядки на коммунистическую цензуру. Однако изучение Западно-Сибирского мятежа по-прежнему отставало от исследования «махновщины» [34], «антоновщины» [35] и Кронштадтского восстания [36]. Хуже того, в начале 1990-х годов общественный интерес к истории этого драматического события взялись удовлетворять люди, профессионально плохо подготовленные для решения столь сложной задачи, никогда не занимавшиеся изучением Западно-Сибирского восстания, не знавшие не только новых, но и старых источников по данной теме. В результате появились тезисы, газетные и журнальные статьи С. Новикова, В. А. Шулдякова и А. А. Штырбула [37], повторявшие основные положения коммунистической концепции, изложенной раньше в публикациях Т. Д. Корушина, И. Т. Белимова и М. А. Богданова, но выдававшиеся за новое слово исторической науки.

Тем не менее рубеж 1980–1990-х годов ознаменовался первыми плодотворными попытками переосмысления отдельных эпизодов Западно-Сибирского восстания. Начало этому процессу положили публикации К. Я. Лагунова и А. А. Петрушина, написанные с использованием ряда источников, хранившихся в архиве управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области, а также документальная публикация Т. Б. Митропольской и О. В. Павлович. В названных работах был введен в научный оборот новый фактический материал о событиях кануна и начала мятежа в Тюменской губ. и в Кокчетавском уезде Омской губ., внесены частичные коррективы в имевшуюся концепцию Западно-Сибирского мятежа.

Принципиально важно, что в работах К. Я. Лагунова и А. А. Петрушина было впервые открыто заявлено, что дело о подпольной организации С. Г. Лобанова в Тюмени являлось ничем иным, как чекистской фальсификацией, осуществленной для того, чтобы перенести ответственность за возникновение широкомасштабного мятежа на контрреволюцию и тем самым хотя бы частично оправдаться перед центральными властями. В результате исследователями был поставлен под сомнение принципиальный вывод советской историографии — о наличии контрреволюционного подполья в качестве важнейшей причины Западно-Сибирского восстания.

Большой новый фактический материал, характеризующий политическую обстановку в Тюменской губ. осенью — зимой 1920 г., был приведен К. Я. Лагуновым. В его публикациях впервые дана картина того насилия, которое учинили продработники в тюменской деревне. Лагунов ввел в научный оборот многочисленные свидетельства крестьян, сельских коммунистов и советских работников, утверждавших, что по преступности деяний и жестокости поведения посланцы города в деревне превзошли все то, что полтора — два года тому назад здесь же вершили колчаковские каратели. К сожалению, этот большой массив уникальных источников был введен Лагуновым без ссылок на место их хранения, что затрудняет проверку данного материала на фактическую достоверность и объективность его интерпретации исследователем.

Если судить по количеству публикаций, то можно сделать вывод, что изучение Западно-Сибирского мятежа заметно активизировалось в 1990-е годы. За это время появились статьи и тезисы О. А. Белявской [38], В. П. Большакова [39], И. И. Ермакова [40] И. В. Курышева [41], Ф. Г. Куцан [42], В. В. Московкина [43], В. П. Петровой [44], И. Ф. Плотникова [45], Н. Л. Проскуряковой [46], О. А. Пьяновой [47], Ю. К. Рассамахина [48], Н. Г. Третьякова [49], В. Б. Шепелевой [50], В. И. Шишкина [51], увидело свет новое издание книги К. Я. Лагунова [52]. В 1996 г. в Тюмени была проведена специальная научная конференция, посвященная 75-летию Западно-Сибирского восстания, тезисы выступлений участников которой опубликованы. В очередном романе омского писателя Михаила Шангина Западно-Сибирский мятеж стал предметом художественного исследования [53]. Информация о восстании 1921 г. нашла отражение в «Очерках истории Тюменской области» и монографии В. В. Московкина [54].

Однако количество названных публикаций не должно вводить в заблуждение или настраивать на мажорный лад. Основным видом научной продукции по-прежнему оставались малоформатные издания: тезисы и небольшие статьи. Не лучше обстоят дела с их качеством. Значительная часть тезисов написана вне проблемного подхода и носит обзорный характер, что свидетельствует, как минимум, о поверхностном знании авторами публикаций предмета исследования, непонимании его многогранности и сложности. Складывается впечатление, что большинство авторов таких работ жаждало как можно скорее приобщиться к актуальной теме, нежели действительно углубить ее понимание. Пожалуй, наиболее ярким образчиком публикаций такого рода можно назвать тезисы В. Б. Шепелевой, беспредметно рассуждавшей на трех страницах о причинах мятежа. Показателем глубины понимания автором происшедших событий является то, что восстание 1921 г. получило в тезисах Шепелевой тройное название: Петропавловско-Ишимского, Западно-Сибирского и Западносибирско-Североказахстанского.

К тому же постсоветская историография Западно-Сибирского мятежа начала 1990-х годов оказалась серьезно поражена очередным политико-идеологическим недугом — на этот раз вирусом антикоммунизма. Ярким образчиком откровенно конъюнктурных поделок стали статья И. В. Курышева и тезисы И. Ф. Плотникова, умудрившихся не сообщить ни одного нового факта, но зато заклеить коммунистов и воскурить фимиам крестьянам-повстанцам. Точно такой же неприкрытой тенденциозностью грешит объемный роман М. С. Шангина [55]. Не лишены декларативности и заданности тезисы В. П. Большакова [56], М. А. Ильдера и В. В. Московкина, основанные на ограниченном по объему материале, к тому же, как правило, случайного характера. Безусловно большего можно было ожидать от нового, расширенного варианта книги К. Я. Лагунова, опубликованной в 1994 г., когда у автора появилась возможность высказаться без оглядки на цензуру. Однако последняя по времени публикация Лагунова производит впечатление произведения, состоящего из механически объединенных фрагментов, написанных в разное время, с разных методологических позиций и даже как будто разными людьми. В ней отдана

богатая дань не только искусственно поставленной проблематике, но и надуманным представлениям, сформированным советской историографией еще в доперестроечный период. Качество и достоверность последней публикации К. Я. Лагунова резко снижает обилие авторских домыслов и тенденциозных интерпретаций фактического материала, многочисленные внутренние противоречия и фактические ошибки, отсутствие научно-справочного аппарата, что не позволяет произвести проверку процитированных источников и приведенных данных.

Но особенно странное, мягко говоря, впечатление производит недавняя статья докторанта Уральского государственного университета В. В. Московкина, опубликованная в журнале «Вопросы истории». Ее автор, претендовавший на обобщающую характеристику восстания крестьян Западной Сибири, продемонстрировал грубейшее нарушение этических норм по отношению к трудам предшественников (впрочем, в последнее время в отечественной историографии эти нарушения приобрели такие масштабы, что скоро, видимо, станут нормой). Как свидетельствует анализ содержания статьи Московкина, с большинством публикаций по теме исследования он просто не знаком. Как следствие такого отношения к историографии, в статье В. В. Московкина отсутствует «набор» проблем, необходимых для раскрытия исследуемой темы. Большую часть работ таких коллег, как М. А. Богданов, К. Я. Лагунов и Н. Г. Третьяков, Московкин формально игнорирует, однако их фактический материал и выводы широко заимствует, не делая соответствующих ссылок на публикации предшественников. К тому же автор очень плохо знает источниковую базу. Усугубило же ситуацию удручающее доверие Московкина ко всему, что он обнаружил в немногих прочитанных им архивных текстах. Из-за этого возникает серьезное сомнение в том, что докторант имеет представление о такой элементарной исследовательской процедуре, как критика источников. В результате исключительно важные вопросы истории восстания (например, настроение и поведение мятежников) освещаются автором на основании коммунистических и чекистских пропагандистских «страшилок», тогда как собственные материалы повстанцев не используются. В довершение ко всему статья Московкина изобилует фактическими неточностями [57], противоречиями [58] и совершенно бездоказательными утверждениями [59], свидетельствующими о том, что ее автор плохо знает и еще хуже понимает предмет своих изысканий. Это — лишь некоторые «минусы» постсоветской историографии.

Но нельзя не видеть и значительного прогресса в изучении темы. Например, безусловным шагом вперед стало появление в 1990-е годы около десятка публикаций, выполненных в «проблемном ключе» и четко ориентированных на решение конкретных исследовательских задач. Простой перечень названий статей и тезисов О. А. Белявской, Ф. Г. Куцан, Н. Л. Проскуряковой, Ю. К. Рассамахиной, Н. Г. Третьякова и В. И. Шишкина свидетельствует о значительном по сравнению с советским периодом историографии расширении исследовательской проблематики.

Для объяснения изучаемых событий историки все реже стали обращаться к догматизированной марксистско-ленинской методологии с ее принципом

партийности и классового подхода. Вместо нее все шире используются научный объективизм и подлинный историзм, методы социальной психологии и исторического краеведения. В то же время трудно согласиться с В. П. Большаковым, утверждающим, что методологическим ключом к познанию феномена Западно-Сибирского мятежа может послужить русская религиозная философия «Серебряного века» [60]. К сожалению, В. П. Большаков не конкретизировал свое предложение. На наш взгляд, вернее идти по пути использования междисциплинарных методов исследования, активнее используя подходы, наработанные в политологии, исторической социологии, культурологии и психологии личности.

В лучших публикациях 1990-х годов достаточно четко прослеживается ориентация на решение двух тесно взаимосвязанных исследовательских задач: во-первых, на критический анализ ключевых положений советской историографии, во-вторых, на поиск новых ответов на центральные вопросы темы. Ведется эта работа на более широкой, чем раньше, источниковой базе, в том числе с привлечением документов органов ВЧК, революционных и военных революционных трибуналов, органов военного управления, которые ранее находились на секретном хранении или доступ к которым имел ограниченный характер.

Совершенно естественно, что в 1990-е годы большое внимание историков привлек исходный вопрос — о генезисе Западно-Сибирского восстания: его социально-экономических и политических условиях, общероссийских и местных причинах, как благоприятствовавших, так и препятствовавших обстоятельствах.

В публикациях К. Я. Лагунова, А. А. Петрушина, Н. Г. Третьякова и В. И. Шишкина было приведено много доказательств беспочвенности утверждений чекистов, а вслед за ними советских мемуаристов и историков о решающей роли контрреволюционных заговоров в Тюмени, Ишиме и Тобольске в подготовке мятежа, представлены убедительные документальные свидетельства, опровергающие утверждения чекистов о наличии в Тюменской губ. сети ячеек Сибирского крестьянского союза, якобы проводившего там контрреволюционную работу [61]. Тем самым один из ключевых выводов советской историографии, отводившей решающую роль в подготовке мятежа Сибирскому крестьянскому союзу и другим подпольным организациям, был подвергнут обоснованной критике как противоречащий фактам.

Однако преодоленным до конца этот тезис считать нельзя. Например, сильный «отпечаток» советской историографии в данном вопросе без труда прослеживается во всех публикациях Лагунова, в том числе в его последней книге. Парадоксально, но факт: исследователь, не скрывавший своих исходных антикоммунистических методологических позиций, своей симпатии по отношению к крестьянам-мятежникам и антипатии по отношению к коммунистическому режиму, при освещении вопроса о роли эсеров и Сибирского крестьянского союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа так и не смог самостоятельно выработать объективной научной позиции. С большим удивлением обнаруживается, как автор, некритически используя источники чекистского происхождения, живописует создание, планы и деятельность подпольной сети ячеек партии эсеров и Сибирского крестьянского союза в Тюменской губ. [62].

Вот как, например, Лагунов излагает намерения контрреволюционного подполья: «Распропагандировать и поднять на Советскую власть зажиточных, своевольных сибирских мужиков, перерезать их руками Транссибирскую магистраль, отторгнуть Сибирь от России, превратив в антибольшевистский плацдарм, обеспеченный людьми, сырьем, продовольствием, а потом при помощи американских и японских империалистов скакнуть с него на революционный Питер — вот какую идею вынашивали заговорщики» [63]. Такие заявления вызывают вполне закономерные вопросы о том, в каких документах эта идея была изложена, где эти документы хранятся и почему ни одного из них Лагунов не привел в порядке доказательства своей точки зрения?

Довольно путанные суждения содержатся в книге Лагунова по вопросу о результатах практической деятельности контрреволюционного подполья. В одном случае он, как ни странно, открыто солидаризируется с В. И. Лениным, которого в своих работах иначе как главным виновником всех крестьянских бед не называет. Хорошо известно, что часть вины за восстания, прокатившиеся по России весной 1921 г., В. И. Ленин попытался возложить на эсеров и меньшевиков, заявив, что они «помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить „передвижку власти“... Такие люди помогают мятежам...». Ленинская подсказка пришлась Лагунову «ко двору». «Именно так — &132;помогают мятежам“! — буквально восклицает он. — Вот это, пожалуй, наиболее точное определение роли эсеров в крестьянском восстании 1921 года» [64].

В другом же месте Лагунов утверждал совсем иное, заявляя, что «Крестьянский союз как по нотам разыграл прелюдию восстания 1921 года» [65]. Но оба эти суждения «повисают» в воздухе из-за отсутствия в книге достоверных подтверждающих фактов. Тем не менее Лагунов повторил трактовки ряда проблем, дававшиеся советской историографией и являвшиеся не чем иным, как прямым отражением чекистской фальсификации. Последнее наглядно свидетельствует о том, как трудно бывает исследователям прорваться сквозь многослойную и плотную завесу лжи, которую содержат некоторые источники коммунистического происхождения.

Двойственное впечатление оставляет публикация О. А. Пьяновой. Безусловной заслугой автора нужно признать введение в научный оборот важных сведений о людях, которые в феврале — марте 1921 г. были арестованы, а затем репрессированы Омской губчека в качестве членов военной организации Омского комитета Сибирского крестьянского союза (в чекистских документах она называется по фамилии считавшегося ее руководителем Н. П. Густомесова «густомесовской» белогвардейско-офицерской подпольной организацией). На основе выявленных источников Пьянова сделала выводы о том, что эта организация не может считаться ни офицерско-белогвардейской по своему составу, ни играющей ведущую роль по отношению к крестьянским восстаниям начала 1921 г. [66]

В то же время Пьянова допустила серьезную ошибку, считая показания, данные Густомесовым и его подельниками омским чекистам во время допросов, достоверными. Как следствие, Пьянова признала наличие «густомесовской»

подпольной организации, считая, что таковая находилась на начальной стадии создания, была немногочисленной и мало что успела реально сделать [67]. Между тем персональный состав «густомесовской» организации, в которую, как выяснила сама Пьянова, омские чекисты включили двух юнцов, двух студентов и двух женщин (одну с двумя, вторую с шестью детьми), должен был навести на мысль о том, что в действительности никакой подпольной организации не существовало. В пользу такой гипотезы свидетельствует и тот факт, что несколько «членов» «густомесовской организации» не признали себя виновными, но были расстреляны, а в последующем реабилитированы как необоснованно репрессированные. Что же касается признательных показаний Густомесова и нескольких его подельников, то они не должны вводить исследователей в заблуждение. Такие показания являлись тривиальными самооговорами, техникой получения которых омские чекисты к тому времени владели в совершенстве. В последней публикации К. Я. Лагунова была предпринята попытка разобраться еще в одной важной проблеме — причинах, по которым Тюменское губернское руководство проводило столь жесткую политику в продовольственном вопросе и не пресекало произвол продработников. Исследователь нашел ряд обстоятельств, проливающих, по его мнению, свет на данную проблему: политический авантюризм и левацкие заскоки одних тюменских руководителей (восприятие сибирской деревни как сплошь кулацкой), карьеризм других, их общая духовная неразвитость и политическое бескультурье. Правда, все эти суждения носят слишком общий характер, и прозвучали они без «привязки» к конкретным фамилиям и фактам. Действия же самих продработников Лагунов квалифицировал как обострившие до крайности политическую обстановку в деревне, подготовившие благодатную почву для восстания и даже спровоцировавшие его [68].

Необходимо отметить, что тема провокации Западно-Сибирского мятежа в последней книге Лагунова проходит рефреном, причем как бы в двух аспектах и на двух уровнях: один — это политика центральных и местных властей, другой — преступные действия продработников. Но степень достоверности двух этих сюжетных линий у Лагунова различна. Тема провокации как объективного и непредумышленного результата действий продработников, особенно в Ишимском уезде, звучит довольно обоснованно и убедительно, хотя и здесь встречаются явные передержки [69]. Но эта тема предстает исключительно авторским вымыслом, когда Лагунов начинает ее рассматривать на уровне политики губернского руководства и тем более — на уровне партийно-правительственной политики.

В порядке иллюстрации приведу всего лишь две цитаты. «То, что в 1920–21 годах творилось в селах Тюменской губернии, — лишь малая часть организованной и проводимой большевиками широкомасштабной, всесоюзной (так у автора. — *В. Ш.*) кампании по удушению крестьянства, превращению его в покорное, безропотное сословие» [70], — таков один из центральных выводов Лагунова.

Еще более категоричен другой вывод, заключительный по своей сути. Автор утверждает, что в Тюменской губернии проводилось «намеренное натравливание сибирского крестьянина на советскую власть», что была «сознательная провокация

восстания» [71]. Однако каких-либо данных, могущих подтвердить авторскую позицию, в книге Лагунова не приводится.

Что же касается тезисов о слабости местных органов так называемой диктатуры пролетариата, о зажиточности крестьянства и высоком проценте в его составе кулачества как причинах Западно-Сибирского мятежа, то в публикациях 1990-х годов высказано мнение, что на концепцию советской историографии эти факторы совершенно «не работают», поскольку они являлись общими для всей Западной Сибири и Зауралья. Ссылка на эти причины не объясняет, почему восстание охватило одни районы западносибирского или уральского региона, но не произошло в других. Например, почему мятеж вспыхнул не в Алтайской губ., крестьянство которой было более зажиточным, чем тюменское, где действительно существовала довольно широкая сеть ячеек Сибирского крестьянского союза и где весной 1921 г. партийно-советское руководство Сибири ожидало, но так и не дождалось мощного антикоммунистического восстания [72].

В статьях Н. Г. Третьякова и В. И. Шишкина предложены совершенно иные, по сравнению с имеющимися в советской историографии, перечень и структура главных причин, вызвавших Западно-Сибирский мятеж. Это – недовольство населения политикой центральных и местных, прежде всего губернских, властей (продразверстками, мобилизациями и трудовыми повинностями), не считавшихся с реальными интересами и объективными возможностями крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики, злоупотреблениями и преступлениями сотрудников продовольственных органов. В качестве же непосредственного повода указываются на объявление в середине января 1921 г. семенной разверстки и попытки ее проведения на большей части Тюменской губ. и в Курганском уезде, а также вывоз взятого в счет разверстки хлеба с внутренних ссыпных пунктов к линии железной дороги в целях последующей отправки в центральную Россию [73]. Эти выводы основываются на анализе достоверного фактического материала, но в то же время противоречат отдельным источникам коммунистического происхождения, отличающимся откровенной заданностью и тенденциозностью.

Одновременно в постсоветских публикациях 1990-х годов отмечается, что при анализе причин Западно-Сибирского мятежа ни в коем случае нельзя забывать о чисто политических факторах, имевших глубинное происхождение и характер. В частности, указывается, что на территории, охваченной восстанием, изначально существовали группы населения, которые были противниками советской власти в принципе и ее коммунистической разновидности в том числе. Особенно значительная доля настроенных таким образом сибиряков имела среди казаков, лишенных коммунистическим режимом своего традиционного социального статуса и привычного смысла существования. Только таким образом можно объяснить высокую активность участия в мятеже казаков Петропавловского и Кокчетавского уездов, для которых продразверстка не была столь обременительной, как для ишимских крестьян, особенно если принять во внимание, что казаки саботировали ее выполнение.

Противники коммунистической партии и советской власти были и в других социальных слоях: в крестьянстве, среди интеллигенции, служащих, бывших

торговцев и предпринимателей. В общей массе населения их количество было невелико. Но необходимо учитывать, что они были решительнее других категорий населения нацелены на борьбу с диктатурой пролетариата и пользовались авторитетом у местных жителей в силу своей грамотности, самостоятельности, трудолюбия, хозяйственных успехов и т. п. [74]

Исследователи 1990-х годов, оппонируя предшествующей советской историографии, считали, что Западно-Сибирское восстание носило преимущественно стихийный характер. Эта общая формулировка подтверждается достоверными источниками и не вызывает возражений, но нуждается в дополнении описанием распространения повстанческого движения по территории Западной Сибири и Зауралья. К сожалению, в новейшей литературе появился упрощенный взгляд на динамику и механизм развития Западно-Сибирского восстания. Так, В. В. Московкин утверждает, что люди «без колебаний брались за оружие, едва услышав о свержении ненавистой власти у соседей», пишет «о едином порыве», в котором якобы поднялись на борьбу против коммунистического режима десятки тысяч крестьян [75]. «Таким образом, — заключает Московкин, — крестьянское восстание почти мгновенно распространилось на огромную территорию Западной Сибири. Воинские части не смогли сдержать мощного натиска восставших в границах Ишимского уезда только потому, что оно было поддержано подавляющим большинством зауральских крестьян» [76].

Такая картина далека от действительности во многих отношениях. Прежде всего, она неверна потому, что основная масса крестьян и казаков не поддержала повстанцев, хотя многие им симпатизировали. У кого-то не хватило мужества, кто-то считал бессмысленным сопротивление, кто-то питал иллюзию, что произвол вершат местные власти вопреки высшему начальству. Более того, часть населения (коммунисты, советские работники, сотрудники милиции, колхозники) даже приняла участие в подавлении мятежа. Но никакого «единого порыва» в крестьянстве и казачестве не было. На самом деле проявилось разное отношение и различное поведение разных людей.

Н. Г. Третьяков, а вслед за ним и Московкин поддержали точку зрения советской историографии об Ишимском уезде как некоем эпицентре восстания, из которого оно затем распространилось на другие территории, а также представление о северной части Ишимского уезда — современном Абатском районе — в качестве исходного пункта мятежа [77]. На самом деле, как свидетельствуют многочисленные источники, Западно-Сибирский мятеж начался не в одном, а в нескольких местах [78]. Его первые очаги возникли примерно в одно и то же время и независимо друг от друга в разных районах Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Тарского и Тюкалинского уездов. Среди них Абатский район выделялся лишь тем, что восставшие в нем крестьяне сразу же вступили в вооруженный конфликт с находившимися там продотрядами и отрядами войск внутренней службы (ВНУС), охранявшими ссыльные пункты и занимавшимися сопровождением продовольственных грузов, и на первых порах даже добились успеха. В результате информация о восстании в Абатском районе немедленно

поступила по военной линии в уездный и губернский центры, вследствие чего создалось ошибочное впечатление об этом районе как о первоисточнике мятежа. В других же районах, где не было продотрядов или частей войск ВНУС, некоторое время происходило накопление сил повстанцев, а об их конфликте с местными властями стало известно далеко не сразу и не в полном объеме. Последнее вовсе не означает, что не было никакого влияния повстанцев Абатского района на сопредельные территории. Оно на самом деле было, например, на близлежащие волости Тобольского и Тарского уездов, но не являлось решающим в отношении всех остальных районов.

В советской и постсоветской литературе неоднократно приводились оценки общей численности западносибирских повстанцев, причем в последнее время все чаще называлась цифра сто тысяч человек [79]. Однако считать эту цифру сколько-нибудь научно обоснованной нельзя. Она в буквальном смысле слова взята «с потолка». Первая специальная попытка разобраться в данном вопросе была предпринята Третьяковым, который пришел к выводу, что численность восьми самых крупных повстанческих группировок, существовавших во второй половине февраля — марте 1921 г., составляла не менее 40 тыс. человек [80]. На наш взгляд, эта цифра явно занижена, поскольку Н. Г. Третьяков, во-первых, пользовался далеко не всеми и не самыми надежными источниками [81], во-вторых, он не учитывал численность мятежников на всей повстанческой территории в течение всего времени восстания.

Однако Московкину удалось основательно запутать и этот в принципе несложный вопрос, требующий поиска дополнительных надежных источников. С одной стороны, исследователь как бы согласился с оценками предшественников о сотысячной численности мятежников, с другой — в заключительной части своей статьи заявил, что в мятеже «приняло участие практически все крестьянство Зауралья» [82]. Если принять на веру последнее утверждение Московкина, то цифра участников восстания должна быть увеличена, как минимум, на порядок. Но самое главное, что тогда возникают новые вопросы: а кто же боролся с повстанцами и почему мятеж такого масштаба потерпел поражение?!

Принципиально иначе, чем в исследованиях советского периода, в публикациях 1990-х годов определяется состав мятежников. В них подчеркивается преобладание среди повстанцев крестьян всех без исключения социальных слоев, отмечается активное участие казаков, наличие представителей интеллигенции и служащих. Чаще всего эти утверждения просто декларируются без попыток изучить реальную ситуацию с использованием источников. Единственным исключением является рукопись диссертации Третьякова, в которой содержится большой фактический материал, обосновывающий новую точку зрения. При внешнем сходстве этого вывода с тем, что писали в начале 1920-х годов о Западно-Сибирском мятеже И. П. Павлуновский и П. Е. Померанцев, их принципиально отличает трактовка мотивов, по которым восстали сибирские крестьяне. Третьяков расценивает мятеж как защитную реакцию населения на государственный произвол и насилие.

Разные точки зрения высказаны в публикациях 1990-х годов по вопросу о повстанческом руководстве. Например, в книге К. Я. Лагунова последовательно

проводится мысль о глубокой эволюции, которую со временем претерпели руководящие кадры повстанцев и даже все движение в целом. На ее страницах не раз можно встретить такие или близкие к этим утверждения: «По мере своего разрастания вширь и вглубь движение все определеннее принимало эсеровскую окраску, все больше белых офицеров, торговцев, деревенских богатеев, кустарей становилось во главе отрядов, штабов, «советов»»; «Командный состав повстанцев постепенно обретал белый цвет, заполняясь бывшими низшими офицерами царской и колчаковской армий (подпрапорщиками, прапорщиками, фельдфебелями)»; «Западно-Сибирское восстание, зародившись стихийно как крестьянский бунт против беззаконий и насилий большевиков, позже по идейной сути своей действительно стало эсеровским, оказалось звеном в цепи антисоветских восстаний, поддержанных этой партией в кризисные 1920–1921 годы» [83]. В этих выводах, не подкрепленных конкретным фактическим материалом, прослеживается полнейшая зависимость Лагунова от источников коммунистического и чекистского происхождения, его неспособность к критическому анализу доступной информации. Комментировать же зачисление Лагуновым фельдфебелей в число «белых» офицеров даже как-то неудобно, особенно если вспомнить широко бытовавшую в офицерской среде поговорку о прапорщиках, ставившую под сомнение даже их принадлежность к русскому офицерскому корпусу.

К иному выводу на основании изучения конкретного материала пришел Н. Г. Третьяков. В отличие от Лагунова Третьяков считает, что ряды повстанцев, как правило, возглавляли местные инициативные люди, пользовавшиеся доверием и авторитетом у местного населения, обладавшие военными знаниями, боевым опытом или навыками общественной работы, а их социальный статус не играл решающей роли [84]. С оценкой Третьякова совпадает мнение Н. Л. Проскуряковой, изучившей биографию Г. Д. Атаманова — одного из главных руководителей повстанцев Ишимского уезда [85].

На основе анализа программных документов и лозунгов повстанцев в литературе 1990-х годов сделан вывод о том, что у них отсутствовало единство взглядов по вопросам общественного и политического устройства России. Вместе с тем в публикациях приведены убедительные свидетельства того, что мятежников разных районов объединяло неприятие коммунистического режима. На этом основании высказано мнение о том, что первичной и основной характеристикой Западно-Сибирского восстания должна быть его антикоммунистическая направленность. Что касается позитивной составляющей общественно-политических настроений, взглядов и практического поведения повстанцев, то ее наиболее полно отражал лозунг «За советы без коммунистов», хотя в повстанческой среде имелись и другие политические установки [86]. Однако их полный спектр и соотношение в литературе еще не выявлены. Тем не менее нужно согласиться с Н. Г. Третьяковым, пришедшим к выводу, что лозунг «За советы без коммунистов» «отражал подлинные политические устремления подавляющей части восставших крестьян, связывающих свои надежды на лучшую жизнь с советами, избавленными от диктата со стороны коммунистических организаций» [87].

Н. Г. Третьяковым, которого поддержал В. В. Московкин, поставлен под сомнение тезис советской историографии об определяющем влиянии решений X съезда РКП(б) на политическую ситуацию в западносибирской деревне, на настроение и поведение повстанцев [88]. Взаимоисключающие суждения по этому вопросу содержатся в книге К. Я. Лагунова. Сначала он утверждает, что переход к продналогу «не изменил большевистской методы обращения с крестьянином», затем пишет, что поражению повстанцев «немало способствовали решения X съезда партии об отмене продразверстки» [89]. В принципе гипотеза Третьякова представляется верной, но пока слабо фундированной фактическим материалом. Для ее доказательства необходимо специальное исследование форм и методов борьбы коммунистических властей с повстанческим движением весной — осенью 1921 г., чего пока в литературе не сделано.

Единственное исключение составляют тезисы самого Третьякова, посвященные такому важному сюжету, как нарушения революционной законности «красной» стороной в ходе ликвидации Западно-Сибирского мятежа. Исследователь сделал принципиально важный вывод о том, что эти нарушения приняли широкие масштабы и даже местным партийно-советским руководством квалифицировались как проявления «красного бандитизма» [90].

Некоторые новые трактовки появились в современной литературе по вопросу о характере и значении Западно-Сибирского восстания. Например, Лагунов, взяв за основу его оценки знаменитое пушкинское определение «пугачевщины» как бунта «бессмысленного и беспощадного», добавил к нему два новых эпитета: «кровавый» и «безнадежный». Основанием для квалификации Западно-Сибирского восстания как безнадежного стало неудовлетворительное, по оценке Лагунова, военно-боевое состояние повстанческого движения, из-за чего оно было обречено на неизбежное поражение, а как бессмысленный мятеж трактовался по той причине, что «кровь, и муки, и слезы многих тысяч не спасли сибирского крестьянина от крепостного рабства» [91].

В иной системе координат подошел к рассмотрению этих же вопросов Третьяков. Исследователь поставил Западно-Сибирское восстание в один ряд с «антоновщиной» и Кронштадтским мятежом в политическом отношении и пришел к заключению, что оно «сыграло определяющую роль в принятии на X съезде РКП(б) решения об отмене одного из главных звеньев системы «военного коммунизма» — продовольственной разверстки» [92].

С позицией Н. Г. Третьякова, не упоминая автора данной гипотезы, солидаризировался В. В. Московкин. По его мнению, восстание в Западной Сибири явилось «одним из сильнейших факторов, заставивших ленинское руководство в течение одного месяца прийти к осознанию необходимости пересмотреть важнейшие принципы политики «военного коммунизма» и начать переход к нэпу» [93]. Однако если в отношении «антоновщины» и Кронштадта такой вывод имеет документальное подтверждение, то никаких фактов прямого или хотя бы косвенного характера относительно влияния Западно-Сибирского мятежа на изменение продовольственной политики РКП(б) Н. Г. Третьяков и В. В. Московкин не привели, и в архивных источниках их до сих

пор не обнаружено. Все ограничилось очередной «голой» декларацией, не имеющей отношения к историческому исследованию.

Более того, в своей последней статье В. В. Московкин стал усиленно развивать сюжет о потенциальной военной опасности Западно-Сибирского восстания для коммунистического режима в масштабах всей России. С этой целью он нарисовал широкомасштабную картину, не имеющую, однако, никакого отношения к подлинным событиям. Вынужденные действия разрозненных повстанческих отрядов, уходивших из-под ударов красных войск от центра мятежа на периферию, В. В. Московкин изобразил как осмысленные и целенаправленные намерения (непонятно, правда, чьи, поскольку единое руководство у повстанцев Западной Сибири отсутствовало) придать движению едва ли не всероссийский характер. Он утверждал, что мятежники стремились «перенести восстание на всю Сибирь и Урал», что «их отряды на сотни километров продвинулись вглубь Томской губернии», на северо-западе «проникли в Архангельскую губернию, на юге в казахские степи» [94]. По В. В. Московкину, события за Уралом «грозили отрывом Сибири от остальной России, открытием восточного фронта и новым витком крупномасштабной гражданской войны» [95].

Но и такие стратегические перспективы для фантазии В. В. Московкина оказались не пределом! Кронштадтское, Тамбовское и Западно-Сибирское восстания, полагает историк, представляли «в случае их слияния смертельную угрозу власти РКП(б)» [96]. Правда, в горячке автор забыл только объяснить читателям немаловажную деталь — как же могло состояться такое «слияние»?

Безусловно, геополитический анализ роли Западно-Сибирского мятежа необходим, но он должен строиться не на досужих домыслах и не при помощи безудержной авторской фантазии, а опираться на фактический материал и считаться с военно-политическими реалиями того времени. В действительности в географической удаленности Западно-Сибирского восстания от жизненно важных центров советской России были свои «минусы» и «плюсы». С одной стороны, восстание, несмотря на многочисленность его участников и территориальные масштабы, не представляло прямой военной угрозы столицам и основным пролетарским районам (в отличие от «антоновщины» и тем более от Кронштадта). Но, с другой стороны, именно по причине удаленности Западно-Сибирского мятежа от «красного» центра его было сложнее ликвидировать.

Однако главный феномен Западно-Сибирского восстания заключался, вопреки мнению В. В. Московкина, совсем в другом: отнюдь не в его прямой военной опасности для коммунистического режима, а в косвенной, опосредованной угрозе, состоявшей в непропуске сибирского хлеба в центр. Именно благодаря такому стечению объективных обстоятельств сложилась уникальная ситуация, которую можно сформулировать так: в феврале — марте 1921 г. вопрос о судьбе государственной власти во многом определялся исходом вооруженной борьбы не в центре страны, как почти всегда было в истории России, а в отдаленной провинции, на просторах Западной Сибири.

Анализ отечественной историографии 1990-х годов позволяет утверждать, что публикации этого десятилетия в лучшем случае заложили лишь фундамент подлинно научной концепции истории Западно-Сибирского мятежа. Их выход

в свет не ознаменовался введением в научный оборот объема информации, достаточного для перелома историографической ситуации, и тем более он не решил проблемы комплексного исследования темы. Большинство работ 1990-х годов было написано преимущественно в узких территориальных рамках Тюменской губ. и главным образом на материалах тюменских архивов. Даже в специальной диссертации Н. Г. Третьякова, которую нужно назвать наиболее глубоким и обстоятельным сочинением 1990-х годов, совершенно не использованы богатейшие источники центральных архивов России, Екатеринбурга и Челябинска. Если изучение «антоновщины» и Кронштадского мятежа увенчалось достижением качественно нового состояния историографии как на фактографическом, так и на концептуальном уровнях, то в изучении Западно-Сибирского восстания такого прорыва в 1990-е годы не произошло.

Более того, как свидетельствует содержание последней книги К. Я. Лагунова и публикаций В. В. Московкина, в объяснении ряда центральных вопросов истории Западно-Сибирского мятежа историки либо продолжают оставаться в плену у мифов, которые были сочинены чекистами и тиражированы советскими историками, либо создают новые мифы, столь же далекие от научных взглядов.

Последние два года ознаменовались заметной активизацией исследовательского интереса к истории Западно-Сибирского восстания. За это время вышли в свет воспоминания бывшего начальника 2-го Северного отряда советских войск И. Ф. Судниковича [97], принимавшего участие в подавлении мятежа на Обском севере, статьи и тезисы И. В. Курышева, В. Н. Меньшикова, В. П. Петровой, А. А. Петрушина, Н. Г. Третьякова, В. И. Шишкина.

Эти публикации неравноценны по своей значимости. Например, статьи В. П. Петровой носят обобщающий очерковый характер. Они не содержат постановки и решения новых научных проблем; в них нет новых фактических данных, что в какой-то мере оправдано жанром публикаций. Но в этих статьях отсутствуют необходимые для любого произведения обобщающего характера ключевые сюжеты и опорные факты. Более того, в публикациях В. П. Петровой имеется ряд фактических ошибок и бездоказательных утверждений [98]. В результате заявленная в статьях тема не получила сколько-нибудь полного и убедительного освещения.

Относительно частным сюжетам посвящены тезисы В. Н. Меньшикова, А. А. Петрушина и В. И. Шишкина. Так, В. И. Шишкин проанализировал хранящиеся в управлении ФСБ по Тюменской области материалы архивно-следственного дела о тюменском «заговоре корнета Лобанова». На основании анализа имеющихся документов он пришел к выводу, что «заговор корнета Лобанова» являлся откровенной провокацией местных чекистов, преследовавшей цель объяснить крестьянское восстание в губернии происками контрреволюционного подполья [99].

В. Н. Меньшиков предпринял попытку дать характеристику начальнику Сибирского фронта повстанцев юга Ишимского уезда В. А. Родина. Она основывается на минимуме документов, обнаруженных в личном деле учителя Родина, хранящемся в Ишимском филиале государственного архива Тюменской области. Данная исследователем оценка Родина как человека, обладавшего

«независимым и гордым характером», чутко реагиовавшим на несправедливость со стороны властей, бывавшим резким и несдержанным, представляется близкой к истине [100]. Такая оценка в основном подтверждается сведениями, содержащимися в опубликованных нами документах, имеющих повстанческое происхождение. Но она является неполной.

Краткий перечень основных направлений деятельности органов власти, созданных повстанцами в Сургуте и в Тобольске, содержится в тезисах А. А. Петрушина [101]. К сожалению, автор в основном ограничился цитированием источников, не прибегая к их анализу.

Публикации И. В. Курышева и Н. Г. Третьякова посвящены важнейшим вопросам Западно-Сибирского восстания. Н. Г. Третьяков дал более полную и детальную, чем в тезисах 1994 г., картину дислокации, а также численности мятежников в феврале — марте 1921 г. Однако по вопросу об общей численности западносибирских повстанцев он ограничился ранее высказанным предположением, что она, несомненно, превышала 40 тыс. человек [102].

Задачу проанализировать облик и поведение повстанцев предпринял И. В. Курышев. Но справиться со столь сложной темой автор не смог. Приведенный в статье фактический материал изложен бессистемно, а выводы не отличаются ни новизной, ни доказательностью [103].

Заметным событием в изучении Западно-Сибирского восстания стала проведенная в мае 2001 г. в Ишиме специальная научная конференция, посвященная 80-летию этого трагического события. Из тридцати опубликованных выступлений две трети так или иначе касаются заявленной проблематики конференции. Большой интерес представляют тезисы А. С. Иваненко о Тюменском губернском продовольственном комиссаре Г. С. Инденбауме, Н. Л. Проскуряковой о командирах повстанческого отряда Н. С. Григорьеве, И. Л. Сикаченко и П. С. Шевченко, Н. Н. Скаредновой о командире Голышмановского отряда ЧОН. Г. Г. Пищике, И. Ф. Фирсова о позиции сотрудников Ишимской уездной милиции накануне и в период мятежа, В. А. Шулдякова об участии в восстании казачества [104]. Благодаря публикации названных тезисов в научный оборот был введен интересный фактический материал, раскрывающий малоизученные вопросы темы. Особенно важно, что исследователи обратились к изучению биографий людей, оказавшихся во время мятежа по разные стороны линии фронта. Правда, уровень теоретического осмысления рассмотренных вопросов оказался невысоким.

Важнейшим вкладом в разработку темы стало издание в 2000–2001 гг. двух специальных документальных сборников. В первом из них мятежные события освещаются в границах Тюменской губернии, во втором — в масштабах всей повстанческой территории [105]. В совокупности в обоих сборниках опубликовано около 1400 документов, извлеченных преимущественно из центральных и местных архивов, в том числе управления Федеральной службы безопасности по Тюменской области.

Эти документы освещают широкий круг вопросов, дающих представление о ключевых событиях Западно-Сибирского восстания: политику советской власти в деревне осенью 1920 — зимой 1921 г.; настроение и реакцию населения на эту

политику; динамику и географию мятежа; организационные мероприятия и поведение повстанцев; взаимоотношения мятежников и населения; деятельность органов советской власти по подавлению мятежа, включая участие органов ВЧК и ревтрибуналов; боевые действия сторон; соотношение политических, военных и карательных мер, использовавшихся советской властью для ликвидации мятежа. Опубликованные в сборниках материалы показывают непосредственные итоги и долгосрочные последствия Западно-Сибирского восстания, в том числе репрессии по отношению к его участникам на протяжении 1920–1930-х годов. Особый интерес представляют документы повстанческой стороны и материалы карательных органов советской власти: губернских чрезвычайных комиссий, уездных политбюро, революционных и военно-революционных трибуналов. Веденный в научный оборот корпус источников является основополагающим для анализа феномена Западно-Сибирского восстания. Он дает ключ к пониманию подлинных причин, движущих сил, характера и трагического финала мятежа. Хочется надеяться, что опубликованные в сборниках документы станут тем фундаментом, опираясь на который исследователи пойдут дальше и глубже в изучении Западно-Сибирского восстания 1921 года, создадут его полномасштабную и объективную картину.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Басманов В. И.* Кулацко-эсеровский мятеж 1921 г. в Тюменской губернии (к историографии вопроса) // Уч. зап. Тюменского гос. университета. Тюмень, 1976, т.34; *Историография крестьянства советской Сибири.* Новосибирск, 1976; *Шишкин В. И.* Советская историография 20-х — начала 30-х годов о борьбе против вооруженной контрреволюции в Сибири после разгрома Колчака // Вопросы историографии социалистического строительства в Сибири. Новосибирск, 1976; *Скипина И. В.* История крестьянского восстания 1921 г. в Западной Сибири в исследованиях 20-х гг. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000, вып.4; Она же. Историки о роли продработников в событиях 1921 г. в Тюменской губернии // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны. Ишим, 2001.
2. *Померанцев П.* Западно-Сибирское восстание 1921 г. // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1922, &8470;2; *Хейфец К.* Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма) // Былое Сибири. Томск, 1923, &8470;2; *Сидоров П.* Курганское восстание в январе 1921 г. (по личным воспоминаниям) // Пролетарская революция. М., 1926, &8470;6; *Чернышева В.* Защита Петропавловска // Красная новь. М., 1932, кн. 2.
3. *Беляшов М. Я.* Разгром кулацкого мятежа в Зауралье в 1921 г. // На земле Курганской. Курган, 1953, &8470;3; Он же. Разгром кулацкого мятежа в 1921 году // Сибирские просторы. Тюмень, 1958, &8470;2; *Бударин М. Е.* Разгром эсеров-кулацкого восстания 1921 года // Блокнот агитатора Омского обкома КПСС. Омск, 1957, &8470;2; *Белимов И. Т.* Разгром Сургутского кулацкого мятежа в 1921 г. // Уч. зап. Тюменского гос. пед.

- института. Тюмень, 1958, т.5, вып.2; *Богданов М. А.* Разгром Ишимско-Петропавловского мятежа 1921 г. // Уч. зап. Ишимского гос. пед. института. Тюмень, 1959, т.13. вып.4; Он же. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Петропавловско-Кокчетавском районе в 1921 г. // Доклады и сообщения по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1960; Он же. К вопросу о социально-экономических последствиях западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. // Уч. зап. Тюменского гос. пед. института. Тюмень, 1962, т.15, вып.3; *Анистратенко В. П.* Мероприятия партийных организаций Урала по ликвидации кулацкого мятежа 1921 г. // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1971.
4. *Лагунов К.* Двадцать первый. Хроника Сибирского мятежа // Урал. Свердловск, 1989, &8470;5 — &8470;6; *Шулдяков В. А.* Некоторые вопросы истории западносибирского восстания 1921 года // История и общество в панораме веков. Материалы Всесоюзной Байкальской исторической школы (19–24 июля 1990 г.). Иркутск, 1990, ч.2; Он же. Трагедия 21-го года // Иртыш. Омск, 1991, &8470;1; *Петрушин А. А.* Новое в изучении истории Западно-Сибирского мятежа 1921 года // История советской России: новые факты, суждения. (Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции. Тюмень, 11–12 мая 1991 г.). Тюмень, 1991, ч.2; *Фоминых А. В.* Интеллигенция и служащие Тюменской губернии во время Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества. Кемерово, 1991, вып.2.
 5. *Богданов М.* Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961; *Лагунов К.* Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991.
 6. [*Митропольская Т. Б., Павлович О. В.*] Из истории Ишимско-Петропавловского восстания (публикация доклада члена Кокчетавского уездного комитета РКП(б) Ф. В. Воронова от 31 марта 1921 г.) // Партийная жизнь Казахстана, 1991, &8470;10.
 7. *Ярославский Е.* О крестьянском союзе // Вестник агитации и пропаганды. М., 1921, &8470;11–12; *Павлуновский И.* Сибирский крестьянский союз // Сибирские огни. Новониколаевск, 1922, &8470;2; Он же. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. Новониколаевск, 1922; *Померанцев П.* Красная Армия Сибири на внутреннем фронте. (Борьба с восстаниями в тылу за 1920–22 гг.) // Красная Армия Сибири. Новониколаевск, 1923, &8470;3–4; *Воинов Н., Лебедев И.* Огненные годы. Красная Армия в Сибири. Новосибирск, 1927; *Корушин Т. Д.* Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917–1926 гг.). Ишим, 1926; Он же. 10 лет советской власти в Ишимском округе. Ишим, 1927; *Иванов И. А.* Борьба за установление советской власти на Обском севере (1917–1921 гг.). Ханты-Мансийск, 1957; *Белоглазов И. И.* Из истории чрезвычайных комиссий Сибири (февраль 1918 — февраль 1922 гг.). М., 1960; Очерки истории партийной организации Тюменской области. Тюмень, 1965; *Николаев П. Ф.* Советская милиция Сибири (1917–1922 гг.). Омск,

1967; *Западовникова А. Г.* Сибирское крестьянство в ходе борьбы с кулацкой контрреволюцией в 1920–1922 гг. // Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969; Она же. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (1920–1922). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1969; *Абраменко И. А.* Коммунистические формирования — части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920–1924 гг.). Томск, 1973; *Бударин М. Е.* Были о чекистах. Омск, 1976; Он же. Чекисты. Омск, 1987; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983; *Григорьев В. К.* Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920–1921 гг.). Алма-Ата, 1984; *Метельский Н. Н.* Деревня Урала в условиях «военного коммунизма» (1919–1921 гг.). Свердловск, 1991.

8. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Ч.1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964; *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Кукушкин Ю. С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968; *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975 (а также все последующие издания); *Барихновский Г. Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978; *Мухачев Ю. А.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; *Щетинов Ю. А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в советской России (конец 1920–1921 гг.). М., 1984.
9. См.: Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983, с.214–215.
10. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что в Российском государственном военном архиве сохранилась написанная П. Е. Померанцевым по свежим следам событий рукопись о Западно-Сибирском восстании, насчитывающая около тысячи страниц текста, а также содержащая многочисленные, в том числе уникальные, документальные приложения.
11. *Померанцев П.* Западно-Сибирское восстание 1921 г., с.40.
12. П. Померанцев считал, что именно в действительно крестьянской оправе Западно-Сибирского мятежа «заключается главный его общественный интерес и драматизм» (см.: *Померанцев П.* Западно-Сибирское восстание 1921 г., с. 42).
13. *Богданов М.* Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., с.30.
14. *Померанцев П.* Западно-Сибирское восстание 1921 г., с.37–39; *Богданов М.* Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., с.31.
15. *Шишкин В. И.* Советы Сибири в конце 1920 — начале 1921 г. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, ч.2; Он же. О социальной природе антисоветских

вооруженных выступлений в сибирской деревне (конец 1919 — начало 1921 г.) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1976.

16. И. П. Павлуновский утверждал, что «восставшее крестьянство было организовано и имело только военное руководство. В политическом же отношении оно было неорганизовано и распылено — во главе восставшего крестьянства не оказалось крупной и авторитетной организации». (См.: Павлуновский И. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г., с.23).
17. Померанцев П. Западно-Сибирское восстание 1921 г., с.40–41; Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., с.26–27, 34–35.
18. Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., с.29–31.
19. Действительно, среди руководителей мятежников Тобольска имелся человек по фамилии Сватош. Богумил Владиславович Сватош являлся инженером-технологом по образованию, владел несколькими иностранными языками, с ноября 1920 г. работал в Тобольске заведующим отделом низового Обь-Иртышского областного управления рыбными промыслами. Никогда в белой армии не служил, звания полковника не имел и, соответственно, адъютантом генерала Р. Гайды не был. Видимо, во время мятежа он самовольно присвоил себе звание полковника и должность адъютанта Гайды. Тюменские чекисты прекрасно знали, что Сватош не является тем, за кого себя выдал, однако с удовольствием поддержали эту версию, поскольку она «работала» на их концепцию белогвардейско-офицерского руководства мятежом. Затем эта версия была широко подхвачена советскими мемуаристами и историками, некритически пошедшими за источниками.
20. В статье, опубликованной в 1958 г., М. Я. Беляшов привел эти сведения со ссылкой на Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Проверка, произведенная К. Я. Лагуновым, показала, что в архивном деле, на которое ссылался М. Я. Беляшов, такие сведения отсутствуют. (См.: Лагунов К. И сильно падает снег ... Тюмень, 1994, с. 96). Аналогичная ситуация обнаружилась при проверке нами большинства сведений, приведенных в статье И. Т. Белимова. Выяснилось, что в государственном архиве Новосибирской области нет и никогда не было того фонда, из которого, как утверждал И. Т. Белимов, он почерпнул основной массив фактических данных, использованных в его статье.
21. В результате такого подхода советских историков к оценке деятельности коммунистов в «борцы за народное счастье» попали бывший сотрудник Рижской полиции и известный уголовный преступник Т. Д. Сенькин, пьяница и развратник В. А. Данилов, карьерист и самодур Г. С. Инденбаум.
22. Богданов М. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г., с.40.
23. Там же, с.70, 102.
24. Там же, с.37.

25. Там же, с.36–37, 96.
26. *Турханский П.* (воспоминания). Крестьянское восстание в Западной Сибири в 1921 году // Сибирский архив. Прага, 1929, &8470;2, с.69;
27. Там же, с.71.
28. «В каждом селе, в каждой деревне, — писал П. Турханский, — крестьяне стали избивать коммунистов: убивали их жен, детей, родственников; рубили топорами, отрубали руки и ноги, вскрывали животы. Особенно жестоко расправлялись с продовольственниками».
29. Там же, с.71.
30. *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России (1918–1921 гг.). Иерусалим, 1987.
31. Там же, с.122, 125.
32. Там же, с.127.
33. Там же, с.126–127.
34. *Верстюк В.* Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990; *Комин В. В.* Махно: мифы и реальность. М., 1990; *Семанов С.* Махно как он есть. М., 1991; Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы, документы. Киев, 1991; *Голованов В. Я.* Тачанки сюга. Художественное исследование махновского движения. М. — Запорожье. 1997; *Телицын В.* Нестор Махно. Историческая хроника. М. — Смоленск, 1998; *Шубин А. В.* Махно и махновское движение. М., 1998; *Ахинько В. М.* Нестор Махно. М., 2000.
35. *Соболева А. А.* Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1922 гг.). Библиографический указатель. Тамбов, 1994; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994; и др.
36. Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997; и др.
37. *Шулдяков В. А.* Некоторые вопросы истории западносибирского восстания 1921 года; Он же. Бунт // Сибирская газета (Новосибирск), 1991, &8470;1; Он же. Трагедия 21-го года; *Штырбул А.* Событие, которого не могло не быть // Омская правда (Омск), 2 и 7 февраля 1991 г.; *Новиков С.* Мятеж, которого могло не быть // Вечерний Омск (Омск), 12 февраля 1991 г.
38. *Белявская О. А.* О морально-психологических качествах коммунистов, воевавших против повстанцев на Тюменском севере в феврале — марте 1921 года // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. Тюмень, 1996.
39. *Большаков В. П.* Восстание крестьян Тюменской губернии в 1921 году // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения — 95». Тюмень, 1996; Он же. Пролог крестьянского восстания 1921 года в Тюменской губернии // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны.
40. *Ермаков И. И.* Продовольственные отряды в Тюменской губернии (1920–1921 гг.) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны.

41. Куцан Ф. Г. Правоохранительные органы города Тобольска периода Западно-Сибирского крестьянского восстания // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 1999, вып.3.
42. Курышев И. В. Крестьянская война // Земля Сибирская, Дальневосточная. Омск, 1993, &8470;5–6, &8470;7;
43. Московкин В. В. «Голос Народной армии» — газета восставших крестьян // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны; Московкин В. В., Ильдер М. А. Принципы организации власти восставших в 1921 г. западносибирских крестьян // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения — 96». Тюмень, 1997; Московкин В. В. Восстание западносибирских крестьян и переход к нэпу // «Словцовские чтения — 97». Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1997; Он же. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории, 1998, &8470;6.
44. Петрова В. П. Восстание 1921 года в Тюменской губернии // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны.
45. Плотников И. Ф. Крестьянское восстание на Урале и в Западной Сибири в 1921 г. // Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995.
46. Проскурякова Н. Л. Штрихи к биографии командарма Ишимской повстанческой армии Григория Атаманова // «Словцовские чтения — 97».
47. Пьянова О. А. Военная организация Омского комитета «Сибирского крестьянского союза» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1999, &8470;7.
48. Рассмахин Ю. К. Антибольшевистское восстание в Сургутском Приобье: хроника событий // Земля Александровская. Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск, 1999.
49. Третьяков Н. Г. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Роль Сибири в истории России. Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993; Он же. О политических настроениях крестьянства на территории, охваченной Западно-Сибирским восстанием 1921 г. // История советской России: новые идеи, суждения. Тезисы докладов второй республиканской научной конференции. Тюмень, 1993, ч.1; Он же. Численность участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Материалы XXXII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1994, секция «История»; Он же. Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1994, &8470;2; Он же. Западно-Сибирское восстание 1921 года. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1994; Он же. К вопросу о политической направленности Западно-Сибирского восстания 1921 г. (отношение повстанцев к советам) // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны; Он же. К истории крестьянского восстания 1921 г. на

Тобольском севере // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения — 96»; Он же. Еще раз о социальной природе Западно-Сибирского восстания 1921 года // «Словцовские чтения — 97»; Он же. Из истории ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (красный бандитизм) // Тоталитаризм в России (СССР) 1917–1991 гг.: оппозиции, репрессии. Материалы научно-практических конференций. Пермь, 1998.

50. *Шепелева В. Б.* Западно-Сибирское (Петропавловско-Ишимское) крестьянское восстание как эпизод общей исторической судьбы России и Казахстана // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.). Международная научная конференция, посвященная 175-летию образования Омской области. Тезисы докладов и сообщений. Омск, 1998.
51. *Шишкин В. И.* К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1996, &8470;2; Он же. К вопросу о роли Сибирского крестьянского союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. Новосибирск, 1997; Он же. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1997, &8470;2; Он же. К вопросу о причинах Западно-Сибирского восстания 1921 года // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 1998; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения // Социально-культурное развитие Сибири XVII–XX веков. Бахрушинские чтения 1996 г. Новосибирск, 1998; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: некоторые проблемы изучения // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции (24–25 февраля 1998 г.). Екатеринбург, 1998, ч. 1; Он же. «Разбейся в доску — сдай разверстку!». Советская продовольственная политика в Ишимском уезде Тюменской губернии (сентябрь 1920 — январь 1921 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1999, &8470;2.
52. *Лагунов К.* И сильно падает снег ... Тюмень, 1994.
53. *Шангин М.* Ни креста, ни камня. Роман. Омск, 1997.
54. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994; *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999.
55. Книгу М. С. Шангина едва ли можно назвать художественным произведением, поскольку половину ее 480-страничного текста составляют пространные цитаты, скопированные из разного рода источников, хранящихся в фонде 1818 («Коллекция документов по истории Западно-Сибирского мятежа 1921 года») государственного архива Омской области. Причем источники воспроизведены Шангиным совершенно бездумно со всеми многочисленными механическими и фактическими ошибками, в них

содержащимися. Все эти документы плохо связаны с собственно «художественной» частью книги.

Роман написан Шангиным с нескрываемой антипатией ко всем коммунистам, встречающимся на его страницах. Что касается объективности и достоверности авторской позиции, то о ней можно судить хотя бы по такому факту. Для придания происходившим событиям большей значимости М. С. Шангин самовольно «снимает» с должности председателя Сибирского продовольственного комитета известного продработника Петра Кирилловича Когановича, а вместо него «назначает» еще более известного коммунистического деятеля — Лазаря Моисеевича Кагановича, не имевшего, однако, никакого отношения ни к Сибири, ни тем более к возникновению Западно-Сибирского мятежа. (См.: *Шангин М.* Ни креста, ни камня., с.60).

56. Вот один из примеров «понимания» В. П. Большаковым изучаемой им проблематики. Автор процитировал в тезисах фрагмент из выступления Тюменского губпродкомиссара Г. С. Инденбаума 2 сентября 1920 г. на совещании партийно-советского актива, в котором Инденбаум предлагал милитаризовать продовольственные органы губернии «со всеми вытекающими последствиями». «Милитаризовать» — это означает ни что иное, как ввести в продовольственных органах армейские порядки, военную дисциплину, и ничего больше. Большаков, однако, требование милитаризации продаппарата проинтерпретировал совсем иначе. «Это было по сути дела объявление открытой войны мирному населению губернии, — утверждает он. — Провокационный характер этого предложения очевиден». (См.: *Большаков В. П.* Восстание крестьян Тюменской губернии в 1921 году, с.76).

57. Чтобы не быть голословным, приведу лишь некоторые элементарные фактические ошибки, допущенные В. В. Московкиным, которые легко проверяются и устанавливаются по источникам и литературе.

Так, Московкин утверждает, что из 110 млн. пудов хлеба (правильно — хлебофуража), назначенных на Сибирь по разверстке 1920/1921 гг., на Тюменскую губ. приходилось 6,5 млн. пудов (с.47). На самом деле в то время в продовольственном отношении Тюменская губ. не являлась частью Сибири и количество хлебофуража, назначенное по разверстке центра на Тюменскую губ., не входило в общесибирскую разверстку (кстати, аналогичную ошибку из публикации в публикацию повторяет В. П. Петрова).

Село Старо-Травное Ларихинской волости ошибочно названо Староправным, а Ново-Локтинское Уктузской волости — Поволокинским (с.50).

Автор утверждает, что к середине февраля 1921 г. под напором повстанцев части Красной Армии отступали, «оставляя города», что восстание охватило «весь Курганский уезд» (с.51). В действительности двумя первыми городами — Кокчетавом и Тобольском — повстанцы овладели на неделю позднее, а в Курганском уезде мятеж охватил лишь северо-восточную часть и никакого «кольца окружения» Кургана, которое якобы пришлось прорывать (с.52), не существовало.

Военное положение в Курганском уезде было введено не 4 февраля (с.51), а постановлением №8 президиума Челябинского губисполкома советов от 11 февраля и приказом №8 Курганского уездного исполкома советов от 12 февраля 1921 г.

Решение о расстреле 24 заложников было принято коммунистическими властями Курганского уезда не в середине февраля, как можно понять из текста статьи Московкина (с.52), а 1 марта 1921 г.

Город Петропавловск переходил из рук в руки не трижды (с.52), а только дважды. Здесь повстанцы захватили не 8 орудий, а всего два, одно из которых было испорченным. В действительности 8 орудий и несколько пулеметов повстанцы взяли на ст. Озерная.

Попыток захватить уездные города Акмолинск и Атбасар (с.52) повстанцы не предпринимали.

Село Юдино (оно же Вознесенское) находилось в Ишимском, а не в Петропавловском уезде (с.56).

По «делу С. Г. Лобанова» в Тюмени было арестовано не 39, а 38 человек, 17 из которых были приговорены к расстрелу не чрезвычайной тройкой, а расширенным заседанием коллегии Тюменской губчека с участием секретаря губкома РКП(б) С. П. Аггеева и председателя губисполкома советов С. А. Новоселова. Этот приговор был приведен в исполнение не 4 (с.58), а 2 марта 1921 г.

Военного положения на территории Зауралья в феврале 1921 г. советские власти не вводили (с.59–60). Это было сделано лишь в пределах нескольких уездов.

Никаких трех участков — Северного (Ишимского), Южного (Петропавловского) и Западного (Камышловско-Шадринского) — для управления советскими войсками (с.60) не существовало, как и не было создано повстанцами «мощных оборонительных рубежей» (с.60–61) в районе Голышманово и Ярково.

Перечень ошибок можно продолжить. В данном случае мы не приводим большое количество совершенно нелепых суждений и утверждений Московкина, являющихся результатом авторской интерпретации источников и его своеобразного понимания — точнее, непонимания — происходивших событий.

58. Что же касается внутренних противоречий, имеющих в статье Московкина, то приведу только одно из них, но, пожалуй, наиболее существенное.

На 54 странице Московкин утверждает, что на освобожденной повстанцами территории упразднялись «советские учреждения и восстанавливались добольшевистские», а буквально на следующей, 55 странице пишет, что повстанцы «сохраняли советы как органы власти. Таким образом, на практике проводился в жизнь лозунг „За советы без коммунистов“».

59. Но особенно поражают своей безапелляционностью и безответственностью утверждения Московкина о том, что в считанные дни контроль над Тюменской губ. со стороны советских властей «был утерян» или что лозунг повстанцев «За советы без коммунистов» «проводился в жизнь с крайней жестокостью» (с.57).

60. *Большаков В. П.* Пролог крестьянского восстания 1921 года в Тюменской губернии, с.9.

61. *Шишкин В. И.* К вопросу о роли Сибирского крестьянского союза в подготовке Западно-Сибирского мятежа 1921 г.
62. И все это К. Я. Лагунов пишет, основываясь на информации Тюменской губчека, несмотря на то, что время от времени прозрение как бы приходит к нему. И тогда по тексту книги можно встретить такие любопытные авторские ремарки: «Если верить докладным и сводкам губЧК»; «Автор принял (sic! — *В. III.*) информацию губЧК на веру...»; «Местные партийные работники в ту пору свидетельствовали о наличии в деревнях подпольных эсеровских ячеек и кружков, ведущих антисоветскую пропаганду, однако никто из утверждавших это (включая и губЧК и губком) не указывал ни деревень, ни фамилий, ни дат. Лишенные такой фактической основы, эти заверения теряют силу документа, повисают в воздухе...», «К сожалению, ни одного конкретного примера подобных действий я не обнаружил» и т. п. (См.: *Лагунов К. И* сильно падает снег... с.23, 26, 32, 34). Считаю нужным подчеркнуть, что такие признания одновременно делают К. Я. Лагунову честь, характеризуя его как добросовестного исследователя.
63. *Лагунов К. И* сильно падает снег... с.23.
64. Там же, с.33.
65. Там же.
66. *Пьянова О. А.* Военная организация Омского комитета «Сибирского крестьянского союза», с.207, 210.
67. Там же, с.207, 209.
68. *Лагунов К. И* сильно падает снег... с.44–45, 47, 65–66, 68, 70–71.
69. Например, не вполне корректным является следующее утверждение К. Я. Лагунова, в котором тесно переплетены были и небыль: «Если бы собрать воедино все их (продработников. — *В. III.*) преступные действия, назвать цифры невинно расстрелянных, арестованных, изнасилованных, обобранных, униженных и оскорбленных ими крестьян, получился бы оглушительной силы обвинительный документ, свидетельствующий о стремлении губернской партийной организации использовать подразверстку как рычаг, чтобы согнуть и сломить поперешного сибирского мужика». (См.: *Лагунов К. И* сильно падает снег... с.45).
70. *Лагунов К. И* сильно падает снег... с.55.
71. Там же, с.71.
72. *Шишкин В. И.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г.
73. *Третьяков Н. Г.* К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г.; *Шишкин В. И.* К вопросу о причинах Западно-Сибирского восстания 1921 года; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения.
74. *Шишкин В. И.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г.
75. *Московкин В. В.* Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году, с.51, 53, 63.
76. Там же, с. 52.

- 77.современных историков эту точку зрения поддержали Н. Г. Третьяков и В. В. Московкин.
- 78.Этот вывод совпадает с мнением К. Я. Лагунова, утверждающего, что «есть свидетельства, что первая искра движения обозначилась в «инородческих» Тукузской и Карагайской волостях Тобольского уезда». (См.: Лагунов К. И сильно падает снег... с.80). В книге К. Я. Лагунова Карагайская волость ошибочно названа Карачайской.
- 79.Гражданская война и военная интервенция в СССР, с.215; Очерки истории Тюменской области, с.104.
- 80.*Третьяков Н. Г.* Численность участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. (источниковедческий анализ); Он же. Западно-Сибирское восстание 1921 года. Автореферат, с. 17.
- 81.Н. Г. Третьяков не использовал важнейшие разведывательно-оперативные и аналитические документы органов военного управления, фонды которых хранятся в РГВА, важнейшим из которых является фонд «Штаба помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири», а работал только с частью разведывательно-оперативных сводок и донесений, отложившихся в местных архивах.
- 82.*Московкин В. В.* Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году, с.63.
- 83.См.: *Лагунов К.* И сильно падает снег... с.99–100, 108. Заметим, что свои выводы К. Я. Лагунов базирует на данных, относящихся только к одному и очень специфическому Тобольскому повстанческому району, где было наибольшее участие в повстанческом руководстве горожан и городской интеллигенции. Многие характеристики, которые дал в своей книге К. Я. Лагунов тобольским повстанческим деятелям, исключительно тенденциозны и совершенно не соответствуют действительности.
- 84.*Третьяков Н. Г.* Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г.
- 85.*Проскурякова Н. Л.* Штрихи к биографии командарма Ишимской повстанческой армии Григория Атаманова.
- 86.*Третьяков Н. Г.* О политических настроениях крестьянства на территории, охваченной Западно-Сибирским восстанием 1921 г.; Он же. К вопросу о политической направленности Западно-Сибирского восстания 1921 г. (отношение повстанцев к советам); Он же. Еще раз о социальной природе Западно-Сибирского восстания 1921 года; *Шишкин В. И.* К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г.
- 87.*Третьяков Н. Г.* К вопросу о политической направленности Западно-Сибирского восстания 1921 г. (отношение повстанцев к советам), с.66.
- 88.*Третьяков Н. Г.* Западно-Сибирское восстание 1921 года. Автореферат, с.20; *Московкин В. В.* Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году, с.63.
- 89.*Лагунов К. Я.* И сильно падает снег... с.155, 160.
- 90.*Третьяков Н. Г.* Из истории ликвидации Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (красный бандитизм).

91. *Лагунов К. Я.* И сильно падает снег... с.101, 164.
92. *Третьяков Н. Г.* Западно-Сибирское восстание 1921 года. Автореферат, с.20.
93. *Московкин В. В.* Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 г., с.59.
94. Там же, с.57. Остается только удивляться тому, что В. В. Московкин забыл об отступлении повстанческой дивизии под командованием С. Г. Токарева за китайскую границу и на этом основании не попытался придать Западно-Сибирскому мятежу международный масштаб.
95. Там же, с.59.
96. Там же, с.46.
97. *Судникович А. Н.* Из воспоминаний начальника Обдорского военного гарнизона И. Ф. Судниковича // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года. Материалы Дня истории (15 февраля 2001 г.). Тюмень, 2001.
98. *Петрова В. П.* Крестьянское восстание в Тюменской губернии в 1921 г. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000, вып.4; Она же. Чему учит история Сибирского восстания // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года.
99. *Шишкин В. И.* Тюменский «заговор корнета Лобанова» (февраль 1921 г.) // История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции (6–7 февраля 2001 года). Кемерово, 2001.
100. *Меньшиков В. Н.* Учитель В. А. Родин: к характеристике одного из вождей крестьянского восстания 1921 года // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции (г. Нижневартовск, 28–29 ноября 2000 года). Нижневартовск, 2000.
101. *Петрушин А. А.* Особенности органов власти, созданных на территории, контролируемой повстанцами (на примере Сургутского комитета общественной безопасности и Тобольского крестьянско-городского совета) // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года.
102. *Третьяков Н. Г.* Массовые источники о численности участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года.
103. *Курышев И. В.* Крестьянское восстание 1921 года в Ишимском уезде: облик и поведение участников (опыт социолого-психологической характеристики) // Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. Ишим, 2001, вып. 3.
104. *Иваненко А. С.* Продкомиссар Г. С. Инденбаум // Государственная власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны; *Проскурякова Н. Л.* Судьба командиров повстанческого отряда на севере Ишимского уезда // Там же; *Скареднова Н. Н.* Штрихи к биографии командира Гольшмановского отряда ЧОН Пищика Г. Г. // Там же; *Фирсов И. Ф.* Ишимская милиция в период Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Там же; *Шулдяков В. А.* Казаки в Западно-Сибирском восстании 1921 года // Там же.

105. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.). Сборник документов. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Т.2 (1920–1921). Документы. М., 2001.